

Содержание

Над страницами «Последней Европы».....	4
Глава I	12
Глава II	93
Глава III	139
Глава IV	189
Глава V	245
Глава VI	301
Глава VII	356
Глава VIII	417
Глава IX	471
Эпилог	519

Над страницами «Последней Европы»

Я являюсь прилежным читателем прозы Б. С. Гречина достаточно давно, едва ли не со студенческих времен, моих и его. Отзывы на его тексты я пишу редко. Если быть точным, этот — второй.

У меня есть на это свои причины, и их много. Во-первых, моя теперешняя профессия далека от филологии. Во-вторых, Гречин и без меня не остается без критики, и доброжелательной, и не очень. Помню, как ещё в студенческой стенгазете «Третий этаж» нашего учебного корпуса постоянно появлялась критика на Гречина, скорее личная, чем литературная, и скорее преувеличенная, чем конструктивная. В любом случае, её авторы не достигли цели в отношении меня: меня, напротив, заинтересовал этот удивительный человек, последователи которого якобы «поднимаются над землёй на несколько сантиметров». Каково было моё разочарование, когда я убедился, что никто на самом деле не левитирует.

Моя третья причина состоит в том, что однажды я всё же написал на одну из «христианских» повестей Гречина небольшой отзыв. Отзыв понравился автору, но не понравился профессиональным филологам — тем, кто, если бы судьба сложилась иначе, мог бы стать моими коллегами. Он показался им неряшливым и непрофессиональным. Не то чтобы это нанесло мне неизлечимую травму, но я попросил автора незаметно удалить тот отзыв, который не провисел в Интернете и трёх дней.

Но в любом случае появление «Последней Европы» и вообще завершение всей «зазеркальной» трилогии дают мне повод снова взяться за перо. В этот раз я пообещал себе, что не совершу малодушия, но, чтобы мне не совершить малодушия в этот раз, я прошу автора опубликовать мой отзыв анонимно, хоть даже под своим именем, если он захочет. Именно так просила свои записи опубликовать Симона Вейль, что я тоже узнал из «Последней Европы». У меня нет никаких амбиций, связанных с этой рецензией. Я даже не могу назвать её рецензией: это именно размышления над прочитанным.

Я сказал про «появление» «Последней Европы», потому что книга, даром что в личном блоге автора появилась только первая глава — с необходимым «оживляжем» в виде картинки, авторского чтения и Рахманинова, — в электронном виде уже опубликована. Она есть на одном из популярных сетевых порталов, но читать её на этом портале, убившем форматирование, — как есть изысканное блюдо из солдатского котелка. Что более ценно, она существует в виде гугл-документа, ссылка на который есть в том же самом личном блоге автора. Я не утерпел, начал читать её сейчас и читал полночи, а после и следующие полдня.

Иноязычные вставки утомляют. По счастью, их гораздо меньше, чем в «Русском зазеркалье». И, по счастью, существует такая вещь, как онлайн-переводчики. В документе, кстати, есть и сноски с переводом — в сетевой версии их нет.

Иноязычные вставки утомляют, но я понимаю, что Гречин — писатель крайне добросовестный: реалистической, даже, говоря художественным языком, академической школы; что он не может писать диалог героев с литовцем, швейцарцами или греками на русском, потому что такой диалог не мог происходить на русском. Я даже не представляю, как люди такой лингвистической щепетильности, как Гречин, смотрят, к примеру, «Семнадцать мгновений весны», где высшие чины Третьего Рейха разговаривают на русском. Моему удовольствию от фильма это не мешает: я понимаю, что это — условность. Но в «Последней Европе» нет условностей такого рода. Она в своем реалистическом измерении стремится быть очень тщательной, включая в себя реальные названия отелей, описания реальных зданий, реальные цены и реальные расписания поездов. Не то чтобы нам пришло бы в голову это всё проверять... И всё же я чисто от нечего делать сделал выборочную проверку. У нашей епархии действительно есть секретарь. Венская сосиска в тесте действительно называется «кезекрайнер». В Гётеануме действительно шесть или семь этажей. За пятьсот евро и даже меньше в прошлом году герои действительно могли добраться из Парижа в Варшаву. Что ж, это всё успокаивает меня как читателя: я вступаю ногой на твёрдую почву. Я знаю, что мир, в котором живут герои, — плотный, «толстовский», настоящий.

Я вступаю на твёрдую почву и сразу поскользываюсь.

Одна из картин умершей художницы Аллы Флоренской, в поисках которой герои романа едут по Европе, называется «Столыпин на перепутье». И вот, картина вводит зрителя в заблуждение, о чём пишет Каролина, эта непоседливая и очаровательная Каролина. Зрителю кажется, что перед ним — реалистический портрет, а на самом деле перед ним — холст, полный символизма в виде, к примеру, обратной, «иконической», «флоренской» перспективы.

Не будет преувеличением сказать, что этот невольный обман — метафора впечатления от всего текста, разумеется, если читатель не ленится читать и думать. Но те, кто ленятся читать, отвалились уже сразу, когда увидели объём книги.

На поверхности — текст о двух наших современниках и соотечественниках, которые едут по теперешней Европе, чтобы спасти от полного забвения картины третьей нашей соотечественницы, умершей в эмиграции. Кстати, про её картины написано так убедительно, так выпукло, что я едва не поддался искушению поискать в Интернете, кто такая Алла Флоренская. И это несмотря на то, что я читал первый роман трилогии и помнил, что она — вымышленный персонаж.

Это — на поверхности. Но роман многослойен. И этой своей многослойностью, в которой каждый слой сплетается с другим, вплывая в него, «Последняя Европа» напоминает мифологическую систему в миниатюре. Но любой миф — это зачаточная, точнее, архаичная теология. Я не люблю преувеличений, особенно филологических, но у романа есть своя микротеология.

Давайте подумаем вместе. Есть эмоциональная динамика между Олегом и Кэри. Думаю, что «Кэри» частично отсылает к толстовской Кити, и, наверное, в характере этой девушки есть кое-что от Кити Щербатской. Правда, от Наташи Ростовой в ней больше. К счастью, эту историю не омрачит никакой Анатоль Курагин: Роберто явно не тянет на Курагина. Но это не слепое копирование, да и вообще не копирование, а именно кое-что, однажды нотки. Один из самых очаровательных женских образов, которые я находил в современной литературе. И это при том, что Кэри вовсе не пытается быть «женственной девочкой». Она, например, вслух называет берлинских концептуалистов засранцами. Олег сначала замечает что-то в стиле «Кэринька, меня

смущает, что ты ругаешься, как грузчик», а потом со вздохом соглашается: и правда засранцы. Да и мы согласимся.

Эта динамика между двумя, сорокалетним мужчиной и семнадцатилетней девушкой, — одновременно живое сердце, не дающее тексту превратиться в каталог мыслей для интеллектуалов-одиночек, и, так сказать, сама жизнь, «сей тварный мир» с его болью и его радостями. Боли много: вот, например, один Роберто, который приглашает Каролину на танец, посчитав Олега отцом девушки, чего стоит. Радости тоже много: читателю просто нужно, как и Олегу, набраться терпения и дойти до самого конца.

Но у этого слоя «тварного мира» есть, конечно, своя подслойка, свое чистилище. И это чистилище — сама Европа, физическая: пресловутый «цветущий сад» Жозепа Борреля. Увы, в саду растут одни тернии и нарциссы. В Вильнюсе и в Вене героям предсказуемо хамят; в Швейцарии один потасканный мачо, так и представляю себе этот типаж, пробует затащить Каролину в постель; в Риме на их голову обрушают монолог об исторической и культурной отсталости России, которая не «вылезла из своих средних веков»; в Париже пробуют украсть у них с таким трудом добытые эскизы, а в Берлине... про Берлин я и писать не буду. В Берлине чистилище стало адом. После чтения главы про Берлин испытываешь острое сожаление о том, что наши деды, взяв Рейхстаг, не разобрали эту страну по кирпичику.

Но там, где есть ад, есть, конечно, и рай тоже. В пространстве романа этот рай двух-, даже трёхслойен. Картины Аллы, сложные, предельно насыщенные, — его условные образа́, с ударением на последнем слоге, даром что настоящих икон в узком смысле слова среди них только одна: она изображает греческого святого Нектария Эгинского. Мы видим их лишь глазами Кэри, но это — очень умные глаза. Это глаза человека, который полностью понимает сложный язык академического изобразительного искусства и превосходно о своем понимании говорит. Способность, почти невероятная для семнадцатилетней девочки, даже если допустить, что Каролина создала свои описания после. Или это просто я стал старым брюзгой?

Другой слой условного рая — сборник эссе Аллы под общим названием «Непонятые», книга в книге. Это — *summa theologica*